

Колпаков М. Ю., Колпакова Ю. В., Михеев Д. В.
СТЕРЕОТИПНЫЕ ОБРАЗЫ ЖИТЕЛЕЙ РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ
В СОЧИНЕНИЯХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVII ВЕКА¹

В XVII в. изучаемое пограничье служило транзитным регионом для частных лиц, торговых миссий и дипломатических делегаций, совершавших поездки из Польши (или через Польшу) в Московское царство. Длительные путешествия подразумевали активные социальные контакты путешественников с местным населением – проводниками, извозчиками, персоналом постоянных дворов, жителями придорожных населенных пунктов, чиновниками. Для обеспечения комфортного и безопасного взаимодействия чужакам важно было иметь представления об этническом составе, конфессиональной принадлежности, характере и нравах местных жителей. Сведения о культурном ландшафте трансрегиональной дорожной сети русско-белорусского пограничья обязательно включались в дневниковые записи, донесения и отчеты иностранцами и теми подданными польско-литовского государства, которые постоянно не проживали в указанном регионе.

Простолюдины в пограничье иногда бывали любопытны: они могли собираться поглазеть на дипломатический кортеж, наряды и вещи иностранцев [6, с. 47; 8, с. 338; с. 31]. Путешественники отмечали и факты радушного приема в резиденциях знати, городских и крестьянских домах. Но именно замкнутость и угрюмость отмечалась иностранцами в качестве типичной черты характера жителя пограничья. Причины подобной необщительности могли быть связаны с экономическими трудностями. Патрик Гордон, посетивший Псков в 1661 г., засвидетельствовал следующее: «Здесь я убедился в низкой цене медных денег и, видя всеобщую дороговизну и необычайную угрюмость людей, почти обезумел от досады» [3, с. 102]. Препятствовали свободному общению иностранцев с местным населением и языковой барьер, и действия сопровождавших чиновников, которые стремились ограничить свободу передвижения чужаков в пределах городских поселений.

Кроме того, регулярные военные конфликты заставляли жителей приграничных районов опасаться неизвестных иностранных путешественников, передвигавшихся в большом числе, так как они могли оказаться военным отрядом, не щадившим ни путников, ни местных жителей. Гвидо Миеж, сопровождавший миссию Чарльза Говарда первого графа Карлайла в Москву в 1663–1664 гг., отметил в своем дневнике: «наш вид и привычки казались настолько необычными для крестьян, что они только увидели двух или трёх господ слуг на лошадях, бежали в спешке по домам захлопывая двери, как если бы мы были зловещими птицами или духами, пришедшими с целью испугать их, в результате, если бы нам что-то было необходимо, не было никакой надежды получить помощь от них» [1, р. 311–312].

Европейский мир путешественниками характеризовался как приветливый край, «где города многолюдны, опрятны и чисты, а народ по преимуществу благовоспитан, учтив и любезен» [3, с. 101]. Образ жителей русско-белорусского пограничья разительно отличался от привычного облика европейского простолюдина: «Что особенно поразило нас в настоящем путешествии, так это необычайная бедность, унылый вид, невежество и крайняя лень народа» [11, с. 190]. Бедность – типичная черта образа местных сельских жителей: «люди в этой стране живут плохо» [7, с. 287]; их материальные условия их жизни бедны, а жизненное состояние – убого [7, с. 292–293; 8, с. 340–341].

По свидетельствам иностранных источников моральный облик типичного простолюдина, с которым мог столкнуться путешественник, весьма нелицеприятен. Безусловно, для тогдашней европейской ментальности было характерно чувство культурного превосходства над невежественными инокультурными народами. Сильное влияние на восприятие иных порядков оказывали политические убеждения, конфессиональная принадлежность и дипломатические интересы.

Для передвигавших по дорогам пограничья чужаков самыми опасными пороками местных жителей называли пристрастие к алкоголю и грубость. Пребывание в гостинице (корчме) часто сопровождалось ссорами с невоспитанной публикой и драками с пьяными. Георг Тектандер, например, весьма низко оценил культуру поведения за столом простолюдинов: «Что же касается далее их нравов и обычаев, то в еде и питье они подобны скотам, грубы и неприличны. Едят обыкновенно без тарелок и ножей, хватают кушанья прямо руками. Для питья они употребляют большую часть мед и водку» [5, с. 22]. Даже представители социальной элиты, по свидетельству Бернгарда Таннера, опьянев, выделывали «разные шутки и гадости» [16, с. 112]. Опасности подвергался путешественник-иностранец, оказавшийся в городе или сельской корчме во время праздника. Николаас Витсен сообщал о рекомендации, выданной членам дипломатической миссии во время празднования дня св. Николая 6 (16) декабря 1664 г. в Пскове: «Воевода просил передать

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20–59–00015 «Антропология дороги: коммуникации русско-белорусского пограничья в XIV–XVIII вв.»

нам не выходить сегодня, ибо мы могли пострадать от пьяных. Я все же вышел на улицу из любопытства и видел, что весь город пьян, и мужчины и женщины» [2, с. 61–62].

Менее опасными, но весьма неприятными чертами местных жителей, по оценке иностранных путешественников, были их жадность и хитрость: «крайне коварны и корыстолюбивы, хотя, не взирая на то, считают себя самыми настоящими христианами» [5, с. 22]. Наиболее типичными способами поживиться за счет путника, плохо знакомого с местными традициями и не осведомленного в особенностях местной торговли, были – сбыт некачественного товара и серьезное завышение его цены, производство неравноценный обмен. Почти в каждом сочинении мы встречаем сведения о неудовлетворительном качестве услуг, которые предоставлялись путешественникам.

Иоганн Георг Корб сообщал даже о местных жителях, которые притворялись стражниками и пытались вымогать у чужестранцев деньги и ценное имущество. «Какой-то крестьянин потребовал от камердинера, шедшего впереди с евреями-извозчиками, плату за мостовщину, хотя это было совершенно не его дело; он даже был до такой степени дерзок, что хотел увести лошадь и с явным нахальством вынимал из седла пистолеты, но, увидев, что подходит посол с прочими лицами своей свиты, пустился бежать, но за ним погнался кузнец и сбросил его копьем с лошади; однако же крестьянин убежал, оставив свою лошадь, которую кузнец повел с собой в город в доказательство преступления крестьянина» [6, с. 164].

Для европейского путешественника социальное взаимодействие с простолюдинами, знатью и представителями власти на дорогах русско-белорусского пограничья превращалось в настоящее испытание. Августин Мейерберг так описал свои впечатления от поездки в октябре 1662 г. из Минска в Вильно: «везли нас 70 верст трудной дорогой, на которой беспокоило нас множество неудобств: ночевали часто в лесах и пустынях, сделанных Московскими опустошениями, под открытым небом, подвергаясь обидам разбойников, везде нас ненавидели, гнушались нами» [10, с. 176].

Особой социальной группой среди жителей изучаемого приграничья, в восприятии иностранных путешественников, были евреи, которые оказывали услуги извоза [6, с. 164], содержали питейные заведения [6, с. 41], постоялые дворы [6, с. 46]. В отдельных городах Великого княжества Литовского еврейское население владело лучшими для постоя помещениями [6, с. 47; 14, с. 10–21; 16, с. 20, 24, 120–121]. Иностранец должен был учитывать, что местом его ночевки может стать не вполне чистая или даже откровенно грязная «жидовская корчма» [6, с. 45, 48; 16, с. 24]. В некоторых пограничных населенных пунктах, например Кадине, торговля товарами для путешественников монополизирована спекулянтами-«жидами» [16, с. 28]. Доброму христианину-чужестранцу в исследованных источниках советовали помнить об исключительной моральной и, даже, бытовой, нечистоплотности этой категории населения приграничья. Типичной чертой собирательного образа еврея называли «плутовство». Религиозные, этнические и культурные предрассудки затрудняли социальное взаимодействие путешественников с представителями этой маргинальной группы населения. Например, Бернгарда Таннер сообщал, что «мы заезжали обедать к жидам; был постный день, и князь-поляк отказался от предложенного жидом хлеба с маслом и яйцами и отдал съесть его мне, как чужеземцу» [16, с. 25].

Местные жители в своем фольклоре и сами часто дают утрированные портреты самых маргинальных персонажей. В заговорах и народных XVII века в ряду персонифицированных образов зла и среди вредоносных героев, источников «лиха» и «порчи», они называют «лиха ...человека» «черемного, и ...руса, и ...бела, и ...шумоволоса, и ...калики, и ...всяких людей лихих», «мятущих и простовласых», «лихог (о) человека, ведуна и ведун (ь)ю и всякое зло мыслящего на меня, раба Б (о)жия имярек, чародея и шумоволоса, и простоволоса» [15, с. 99–100, 113, 122–123], «девицу простовласицу» [15, с. 369], «девку-черноголовку и бабу-черноглазку и всякого злого человека» [17, с. 381]. Заговоры, зафиксированные в рукописном варианте на русском Севере, имеют в этой части текстологические параллели среди заговоров Новгородчины и русско-белорусского пограничья, зафиксированных исследователями лишь в позднейшее время в устной форме, но, несомненно, имеющих архаичные корни [4, с. 61, 101; 12, с. 548–554; 9, с. 23]. Как отмечают исследователи, центрально- и северорусская традиции в этих перечнях-описаниях более многословны и красноречивы, в то время как белорусские, полесские заговоры обычно ограничиваются перечнем прилагательных, характеризующих источник нанесенной порчи-«уроков»: уроки бабские, мужицкие и т. д.

Обращает на себя внимание образ простоволосой девки, как маргинального персонажа, что перекликается со свидетельствами Николаса Витсена [2, с. 56], Ганса-Морица Айрманна [7, с. 293] и Адольфа Лизека [8, с. 382–383].

Социальное взаимодействие местных жителей и иностранцев на приграничных территориях осложняли не только негативное восприятия белорусского и русского населения европейцами. Русские авторы в характеристиках иностранцев также не остаются в долгу. Псковские повести XVII в. избилуют экспрессивно окрашенными выражениями, которые книжники прямо заим-

ствуют из своего круга чтения, либо komponуют заново. В тех случаях, когда речь идет о соседстве, торговле, профессиональных качествах, тон рассказчика сменяется на нейтральный, но в описаниях военных эпизодов псковские авторы используют весь спектр этнических стереотипов своего времени.

Незванные гости на русской земле обладают в описании местных авторов множеством пороков (например, «яко скоти ядяху и пияху и веселяхуся») и свращают в несправедное житие и местных жителей, «не хотящих жити в законе божи и во блазеи вере и в тишине, но в буистве и во объядении и во упивании и в разбоиничестве живуще, желающе чужаго имениа и приступльшыи к литовским и неметцким людемъ», «своего христианского царя возненавидеша, а от поганых и иноверных возлюбиха» [13, с. 127. л. 722; с. 123. л. 711–711об.; с. 126. л. 718 об.].

Справедливости ради, следует отметить, что автор Повести «О смятении и междоусобии и отступлении пскович от Московскаго государства» перечисляет и множество порочных свойств, характерных для местных смутьянов без современного иностранного влияния [13, с. 133, 136. л. 741–741об., 749–749об.].

1. A relation of three embassies from His Sacred Majestie Charles II to the great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark performed by the Right Hoble. the Earle of Carlisle in the years 1663 & 1664. – London : Printed for John Starkey, 1669. – 461 p.
2. Витсен, Н. Путешествие в Московию, 1664–1665 : Дневник / Н. Висен. – СПб. : Simposium, 1996. – 272 с.
3. Гордон, П. Дневник, 1659–1667 / П. Гордон. – М. : Наука, 2003. – 315 с.
4. Замовы / склад. Г. А. Барташэвіч ; рэдкал.: А. С. Фядоік (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2000. – 597 с.
5. Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. – М. : Императорское общество истории и древностей Российских, 1896. – 62 с.
6. Корб, И. Г. Дневник Иоганна Георга Корба во время посольства Леопольда I в Московское государство // Рождение империи. – М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. – С. 21–258.
7. Левинсон, Н. Р. Записки Айрманна о Прибалтике и Московии 1666–1670 гг. // Исторические записки. – 1945. – Вып. 17. – С. 265–307.
8. Лизек, А. Сказание Адольфа Лизека о посольстве императора римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 году // Журнал министерства народного просвещения. – 1837. – Ч. 16. – С. 327–394.
9. Магия слова. Заговор: по материалам фольклорного архива Новгородского государственного университета. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006. – 99 с.
10. Мейерберг, А. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена Придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета нижней Австрии, посланца августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом // Утверждение династии. – М. : Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997. – С. 43–184.
11. Отчет о поездке Ганзейского посольства из Любека в Москву и Новгород в 1603 году // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII вв. глазами дипломатов) / редкол.: Н. М. Рогожин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Международные отношения, 1991. – С. 185–207.
12. Полесские заговоры (в записях 1970–1990-х гг.) / сост.: Т. А. Агапкиной [и др.]. – М. : Индрик, 2003. – 752 с.
13. Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. – Т. V. – Вып. I. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 256 с.
14. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе: 1697–1699 / подгот. к печ.: Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников ; редкол.: А. М. Панченко (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1992. – 382 с.
15. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / А. Л. Топорков. – М. : Индрик, 2010. – 832 с.
16. Таннер, Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Б. Таннер. – М. : Университетская типография, 1891. – XII, 203 с.
17. Традиционный фольклор Новгородской области. Серия «Памятники русского фольклора». Сказки. Легенды. Предания. Былинки. Заговоры. По записям 1963–1999 гг. – СПб. : Алетей, 2001. – 534 с.

Базарова Т. А.

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ПОСЛОВ ПРИ ВЫСОКОЙ ПОРТЕ П. П. ШАФИРОВА И М. Б. ШЕРЕМЕТЕВА 1713 Г.: ОПЫТ КОДИКОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Статейные списки, которые наряду с расходными ведомостями (или книгами), являлись основными отчетными документами русских послов, после завершения дипломатической миссии передавались в Посольский приказ. В наказах, которые получали дипломаты при отправлении к иностранным дворам, обязательно содержалось требование подать по возвращении на родину расходные ведомости и статейные списки. В Петровскую эпоху в посольском делопроизводстве произошли существенные изменения. Пребывавшие по несколько лет при европейских дворах дипломаты вели активную переписку с Посольским приказом и со своими коллегами, однако статейные списки составлять практически перестали. В 1712 г. руководство Посольского приказа потребовало у находившихся при европейских дворах Б. И. Куракина, А. А. Матвеева, Г. Ф. и В. Л. Долгоруких отправить в Москву отчеты по их предыдущим посольствам [1, с. 28; 3, с. 33–34; 4, с. 164; 9, р. 217].

В 1719 г. Коллегия иностранных дел разослала новые письма петровским дипломатам с требованием немедленно представить статейные списки, приходо-расходные книги, а также сведения